

Евгений РОСТОВЦЕВ, кандидат исторических наук
Дмитрий СОСНИЦКИЙ

ОСВОБОДИТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА?

Александр II — знаковая фигура в новейшей истории России и важный субъект исторической политики современной российской власти, осуществляющей модернизацию России, своеобразную «революцию сверху», наподобие той, которую затеял на рубеже 1850–1860-х годов этот император. Президент России Д. А. Медведев в 2011 году подчёркивал: «Александр II и, конечно, его единомышленники отказались от традиционного уклада, хотя это было чудовищно трудно, и указали России путь в будущее [...] И в конечном счёте в историческом масштабе прав оказался именно он, а не Николай I или Сталин»¹. Опросы фиксируют, что среди первых 50 деятелей, внёсших «негативный вклад» в историю России, Александр II не значится, в ряду положительных персонажей он занимает 11-ю позицию, а в списке «наиболее значимых» — 12–13-е место².

«БЛАГОДЕТЕЛЬ» ИЛИ «МУЧЕНИК»?

Образ Александра II стал формироваться как официальной пропагандой, так и оппозицией ещё при жизни. Ключевым инструментом формирования памяти об императоре до 1917 года служили учебники истории для низших и средних учебных заведений, предлагавшие однозначное толкование: это царь-мученик, ставший жертвой злоумышленников, боровшихся с высшей государственной знатью и покусившихся на самого императора. Так, Д. И. Иловайский в своём переиздававшемся более чем полвека учебнике упоминал «государя кроткого, благодетельствовавшего своими реформами горячо любимую им Россию и пользовавшегося безграничной преданностью своего народа». Иловайский приводил обстоятельную характеристику реформ, отмечая, что «благодаря успехам русской гражданственности и благодушной гуманности императора Александра Николаевича, самое Русское самодержавие, не утратив своей силы и значения, приняло в его время характер абсолютизма мягкого, вполне просвещённого и европейского...»³ В учебниках либеральной направленности практически не рассматривался эпизод с убийством царя, в то время как консервативными авторами он весьма эмоционально осуждался: «Преобразования и вообще все деяния императора улучшили жизнь русского народа. Несмотря на это, в России появились злонамеренные люди, которые пытались произвести смуту и в этих видах покушались на жизнь государственных сановников и наконец стали посягать на жизнь

К. Е. Маковский. Портрет Александра II.

самого государя [...] Убийцы были скоро найдены и казнены, но главные виновники и подстрекатели уцелели, так как они жили за границей. Мученическая кончина Царя-Освободителя повергла в ужас всех его подданных»⁴.

Интересно, что в художественной литературе второй половины XIX — начала XX века фигура Александра II фактически не представлена. Другое дело — публицистика. Примечателен тот факт, что «освободителем» впервые назвал царя в своей статье «Через три года» Александр Герцен. Эта статья изобилует патетическими фразами: «Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог, — всё

равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут!»⁵. Однако в скором времени для Герцена и его последователей реформы показали недостаточными: «революцию сверху» радикалы решили превратить в «революцию снизу», неотъемлемой частью которой стала «охота» на императора.

При этом общее направление высказываний о деятельности царя-реформатора в текстах консерваторов (для которых многие реформы были неприемлемы) оставалось позитивным⁶, в то время как либеральное общество было недовольно «произволом» и «жестокими расправами» над революционерами. Видный либеральный историк А. А. Корнилов, автор известного «Курса истории России XIX века», весьма критически оценивал политику верховной власти, отказывавшейся прислушиваться к интересам общества, и всю вину за кризис конца 1870-х годов возлагал на власть — в то же время приветствуя политику М. Т. Лорис-Меликова, сумевшего «изолировать революционеров», отделить их от «передовых слоёв русского общества» путём «правильного обмена мыслей между обществом и правительством». Однако «озлобленность» революционеров и самоуверенность царя (не послушавшего предупреждений Лорис-Меликова) привели к «катастрофе» 1 марта 1881 года⁷. Итак, русская либеральная общественность, оценивая «историческое значение» реформ императора весьма высоко, была готова в то же время видеть в его фигуре ту символическую жертву, которую самодержавие должно было принести стране.

В этом контексте интересна и реакция общественности. Несмотря на возмущение убийством Александра II (его трагическая кончина как бы искупала вину за

¹ В работе использованы материалы проекта «Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности: историко-социологический анализ», СПбГУ (при поддержке фонда «Вехи эпох», руководитель Д. О. Цыпкин).

«незавершённые реформы»), многие, от Льва Толстого до Владимира Соловьёва, выступили с призывами помиловать народовольцев. В революционной традиции начала XX века 1 марта уже вошло в ряд освободительных коммемораций, определявших революционный календарь. Системный критический взгляд на Александра II и его реформы был представлен в работах Ленина, оказавших огромное влияние на образ императора в советское время. Прежде всего Ленин указывал на крепостнический характер реформы, осуществлённой царём лишь под страхом всенародного возмущения и бунта, и отмечал, что «вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, тёмным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве». Одновременно вождь большевиков подчёркивал и значение реформы для развития России на пути к революции — «1861 год породил 1905», — и то, что народовольцы при всём их значении для революционного движения «исчерпали себя 1 марта»⁸.

КРЕПОСТНИК, ОТМЕНИВШИЙ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО

Основные положения советских учебников истории отталкивались от «ленинских установок». М. Н. Покровский, «главный историк» первых лет советской власти, в «Русской истории в самом сжатом очерке» описывал Александра II как демагога, который никогда не собирался всерьёз реформировать российскую действительность: «Никакой конституции Александр, конечно, давать и не думал, если бы даже Лорис-Меликов серьёзно мечтал о чём-нибудь подобном. Но «образованное общество» поймавшись на удочку и ждало с разинутым ртом». Покровский также создал образ Александра II как беспощадного выжигателя крамолы: «Стали вешать так, как не вешал и Николай...»⁹. Схожие оценки звучали и в учебниках более позднего времени. Так, например, в учебнике сталинской эпохи под редакцией профессора А. В. Шестакова читаем: «Царь Александр II, боясь того, что крестьяне восстанут и сами разгромят снизу крепостнические порядки, 19 февраля 1861 года подписал манифест об освобождении крестьян»¹⁰. Этой оценке в хрущёвское время вторили М. В. Нечкина и А. В. Фадеев: «Реформа была проведена крепостниками. Поэтому она оставила многочисленные пережитки крепостничества. Главными из них были помещичье землевладение и царское само-

державие»¹¹. В более позднем учебном пособии И. А. Федосова для 8-го класса формулировки несколько смягчены, но суть осталась прежней: «Самодержавию удалось ликвидировать революционную ситуацию путём отмены крепостного права сверху. На основе проектов дворянских комитетов правительство разработало такую реформу, которая была выгодна прежде всего помещикам. Но в то же время она давала некоторый простор для развития капитализма в стране»¹². На страницах учебников и советской историографии, начиная с 1960-х годов, формировался культ народников — самоотверженных борцов с самодержавным режимом. На фоне этого культа сам Александр II выступал статистом — «деспотом» по определению.

А вот среди наиболее читаемых текстов художественной литературы позднесоветского времени образ Александра II (в отличие от его предшественника и преемника) не имел ярких негативных характеристик. Например, у Михаила Булгакова в «Белой гвардии» образ царя динамичен и даже отчасти сатиричен, хоть и создан буквально несколькими штрихами: «Кошю-медный Александр II в трёпаном чугунном мыле бакенбард, в конном строю, раздражённо косился на художественное произведение Лебёдя—Юрчика и ласково — на лампу-царевну»¹³. Беллетрист Валентин Пикуль в «Нечистой силе» даже придал царю черты мифического героя: «Александр II, один на один ходивший с рогатиной на медведя, передал Геркулесову силищу и сыну»¹⁴. Особняком стоят произведения Александра Солженицына, которые, хотя и были запрещены цензурой, несомненно, воздействовали на мировосприятие интеллигенции. Так на страницах «В круге первом» Александр II, павший жертвой революционного террора, своеобразным образом связывался с фигурой Сталина, развязавшего борьбу с вымышленными террористами: «И из музея в Ленинграде тоже убрали первую реликвию революции — обломки кареты Александра Второго. С того самого дня Сталин и приказал строить себе в разных местах убежища и квартиры, иногда целые горы прорывать ходами, как на Холодной речке. И, теряя вкус жить в окружении густого города, дошёл до этой загородной дачи, до этого низенького ночного кабинета близ дежурной комнаты лейб-охраны»¹⁵.

В советском кино Александр II занял своеобразную позицию¹⁶, но при этом оставался фоновым персонажем — нет ни одной картины, где этот царь входил бы в круг основных действующих лиц.

Образ Александра II чаще всего использовался в фильмах, посвящённых революционному движению. Так, в картине Лео Арнштама «Софья Перовская» (1967) представлена сцена покушения на царя. При этом сам Александр II в этом моменте не выглядит негодяем, он лишь грозит революционеру и многозначительно говорит: «Хорош!» Зато охрана императора ведёт себя с революционером жестоко и призвана обращать на себя гнев зрителя¹⁷. И так, в советском историческом пространстве Александру отводилась техническая роль статиста, который «вынужденно» провёл реформу освобождения крестьян, открыл дорогу капитализму в России. И в ряду русских императоров (особенно своего отца и сына) фигура Александра выглядела не такой уж зловещей. Кстати, может быть, поэтому и храм «Спас-на-Крови», возведённый на месте убийства императора, в отличие от многих других храмов Петербурга, будучи в 1930 году закрыт, всё-таки разрушен не был — в рамках официального видения прошлого в советской России Александр II не был объектом особой неприязни.

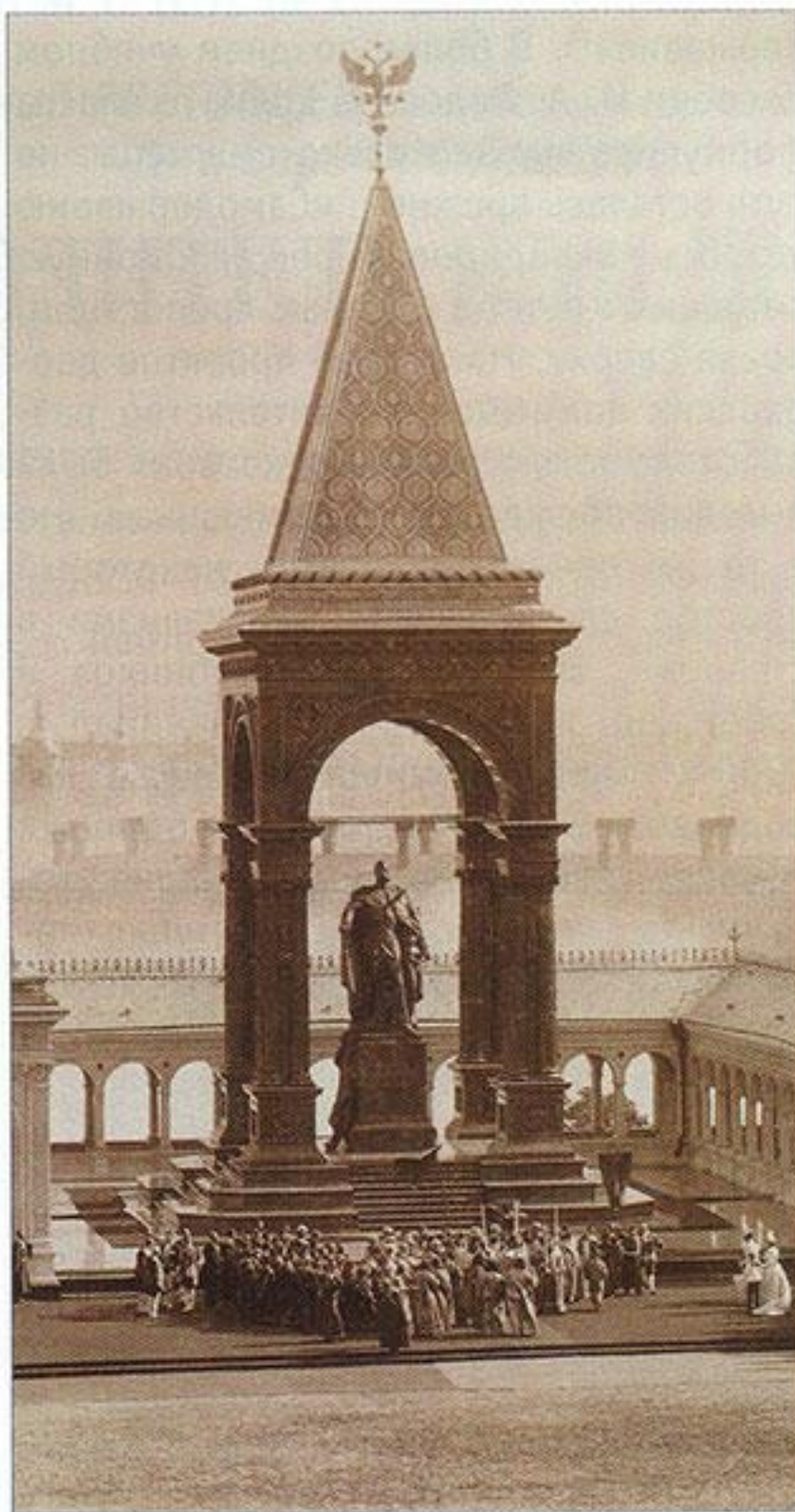
«СОМНЕВАЮЩИЙСЯ» МОНАРХ

В постсоветских учебниках император Александр Николаевич предстаёт человеком сомневающимся, мечущимся между наследием отца, заложенными тем при воспитании сына принципами и собственным, более чутким отношением к глобальным проблемам государства. Однако «преклонение перед памятью отца, верность собственным идеалам не помешали ему, когда пришлось принимать самые ответственные решения»¹⁸. Подобная характеристика вообще типична для постсоветских учебников: «Новый император не был ни либералом, ни сторонником коренных реформ в стране. Более того, ему нравились порядки, установленные отцом, но всё же, как военный человек, осознававший причины поражения России в Крымской войне, как государственный деятель, для которого престиж и величие державы были превыше всего, он встал на путь реформ»¹⁹. Общим местом также стало описание характера царя, который во многом объясняет незавершённость его реформ: «Уже к этому времени определились основные черты характера будущего монарха. Он обладал ценным умением схватывать проблемы на лету, любил отстаивать собственную точку зрения, был добр. В то же время, сталкиваясь с проблемой, которая не поддавалась быстрому решению, наследник сразу уставал и пытался о ней

забыть. Привычки к повседневной напряжённой работе ему выработать так и не удалось»²⁰.

В современной художественной литературе Александр II фактически не представлен. Исключением могут служить разве что произведения Бориса Акунина, созданные в рамках либеральной парадигмы — их объединяет идея о том, что царь политически не очень сильная фигура, к которой в обществе зачастую относятся с насмешкой: «Майор свиты его императорского величества Соболев-второй орал и на его императорское величество, и на его императорское высочество, а государь и главнокомандующий перед ним оправдывались»²¹.

С начала 2000-х годов всё большее влияние на формирование информационного поля, связанного с личностью Александра II, оказывает сетевой контент. Большинство популярных сайтов справочного и энциклопедического характера (в частности, «Кругосвет», «Кирилл и Мефодий», «Словари и энциклопедии на Академике», «Википедия», «Хронос») правление царя-освободителя оценивает неоднозначно именно ввиду противоречивости его фигуры и стремлений. Интересно, что в открытой для общего редактирования «Википедии» представлена наиболее мрачная картина царствования Александра II. Там утверждается, что непродуманные «либеральные» реформы привели к ухудшению финансовой системы, росту внешнего долга и затяжному промышленному кризису. Преобразования царя привели к расколу в обществе, который достиг своего пика к концу царствования. В частности, именно крестьянская реформа стала одной из основных причинных массовых недовольств и революций в 1905 и 1917 годах. «Хронос» отмечает, что задуманные преобразования не могли привести к их логичному завершению — конституции, — так как сам царь был консервативен и считал самодержавие лучшей формой правления

Открытие памятника императору Александру II. Москва, Кремль. 1898 г.

для России, а внешняя политика России носила откровенно имперский характер. «Хронос» также обращает внимание на то, что в последние годы правления у Александра II появилась апатия и нежелание заниматься государственными делами, что отчасти связано с его личной жизнью²².

Впрочем, фигура этого императора по-прежнему остается периферийной в основном круге источников формирования исторической памяти. И в постсоветское время не появилось ни одного рейтингового художественного текста или кинофильма, в котором Александр II выступал бы главным персонажем. Пожалуй, единственное ис-

ключение, на которое можно указать, относится к области «клубнички» — в 1990-е годы известную популярность обрёл фильм «Роман императора» (возможно, отчасти благодаря снятому по кадрам фильма клипу группы «Белый орёл» с песней «Как упоительны в России вечера»), в котором император выступает героем-любовником. Можно упомянуть и эпизод из фильма «Турецкий гамбит» по Акунину, в котором генерал Скобелев грозно отчитывает при слугах царя за то, что он вовремя не выслал подкрепления в решающий момент боя. Царь при этом выглядит безвольным и слабым перед лицом авторитарного Скобелева.

Итак, образ Александра II менялся в зависимости от социального заказа («освободитель» — «жертва» — «крепостник»), но, что характерно, царь почти всегда выступал (да и сегодня выступает) в информационном пространстве скорее «фоновой» фигурой, фоном неизбежного исторического процесса, чем его активным деятелем. В этом яркое отличие Александра II от тех исторических фигур, образ которых отражает позитивный консенсус исторической памяти (таких, как Александр Невский или Пётр Столыпин) или, напротив, её конфликтных объектов (Сталин или Иван Грозный). В то же Александр II — пожалуй, единственная фигура национального лидера России XIX–XX веков, которая не вызывает заметной аллергии в современном историческом сознании. Потенциал для улучшения позиций «сомневающегося императора» в рейтинге национальной памяти существует, но реализоваться он сможет только тогда, когда в обществе утвердится представление о том, что «революции сверху» в России могут иметь позитивный результат — что позволит и их организаторам претендовать на лидирующие позиции в национальном пантеоне.

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. Дмитрий Медведев выступил на конференции «Великие реформы и модернизация России»//<http://www.kremlin.ru/transcripts/10506>.
2. Согласно опросам, проведённым среди студентов высших учебных заведений Санкт-Петербурга в 2011 г. Авторы выражают благодарность за помощь в проведении опросов к. и. н., доц. И. П. Потехиной. См. также: Наш выбор//http://www.diletant.ru/journal/19363216/article_19363233; Общий Рейтинг//<http://www.nameofrussia.ru/doc.html?id=1648>.
3. Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. М. 1895. С. 338, 354–355.
4. Белляринов И. Элементарный курс всеобщей и русской истории//Учебники

- дореволюционной России по истории. М. 1993. С. 173.
5. Герцен А. И. Через три года//Собр. соч.: В 30 т. Т. 13. М. 1958. С. 195–197.
6. См., напр.: Катков М. Н. 25-летняя деятельность и нравственный облик Императора Александра II и императрицы Марии Александровны//Московские ведомости. 1880. 19 февраля.
7. Корнилов А. А. Курс русской истории XIX века. М. 1993. С. 366–376.
8. Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция// Полн. собр. соч. Т. 20. М. 1973. С. 173; Он же. Гонители земства и Аннибалы либерализма//Там же. Т. 5. М. 1967. С. 44.
9. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1933. С. 147, 149.

10. История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса. Под ред. проф. А. В. Шестакова. М. 1955. С. 122.
11. Нечкина М. В., Фадеев А. В. История СССР. Учебное пособие для 7-го класса. М. 1962. С. 222.
12. Федосов И. А. История СССР. Учебное пособие. 8 класс. М. 1973. С. 115.
13. Булгаков М. А. Белая гвардия. СПб. 2008. С. 37.
14. Пикуль В. Нечистая сила. М. 2008. С. 34.
15. Солженицын А. В круге первом: Роман. М. 2006. С. 147–148.
16. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Романовы в исторической памяти российского общества рубежа XX–XXI вв.: Постановка проблемы//К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник

- материалов международной научной конференции. Ч. 1. СПб. 2013. С. 340–341.
17. Покушение на Александра II//<http://www.youtube.com/watch?v=zDTj17cHgOU>.
18. Ляшенко Л. М. История России. XIX век: Учебник для 8 класса. М. 1999. С. 148.
19. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России, XIX век: Учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений. 4-е изд. М. 2003. С. 120.
20. Ляшенко Л. М. Указ. соч. С. 147.
21. Акунин Б. Турецкий гамбит. М. 2007. С. 139, 164.
22. Александр II//http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ALEKSANDR_II.html.; http://www.hrono.ru/biograf/bio_a/alexand2.php; http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%BE%EA%F1%E0%ED%E4%FO_II